

Дина Валеева

палитра

*Выдающемуся живописцу
современности
Ильдару Зарипову –
75 лет со дня рождения*

159

Ильдар
Зарипов:

**«Я пишу
Радость»**

Ильдар Зарипов – один из ярчайших и самобытных живописцев Татарстана. Его полотна дышат свободой и радостью бытия. Они сразу приковывают к себе внимание, и составляют особый, ни на кого не похожий пласт искусства не только у нас в республике.

Народный художник РФ, Лауреат Государственной премии РТ имени Габдуллы Тукая, Ильдар Зарипов родился в 1939 году в Казани. Окончил Казанское художественное училище и Московский государственный академический художественный институт имени В. И. Сурикова. Его учителями были Д. К. Мочальский и Г. М. Коржев.

Произведения живописца находятся в Третьяковской галерее, Русском музее и во многих музеях, коллекциях и собраниях нашей страны и зарубежья. В нынешнем октябре ему исполнилось бы 75 лет. Но его не стало в июне 2012 года...

О художнике за годы его творчества (1970–2012) написаны десятки и более статей. Он привлёк внимание и коллег, и зрителей с самых первых дней своего появления в Казани после окончания Суриковского института в 1968 году. Отношение к нему сразу же определилось почти чётко: одни приняли его безоговорочно и с восхищением, другие – принять не спешили и присматривались к нему холодно и настороженно: «Не похож ни на кого. У нас ещё никто так не писал. Это не реализм, а непонятно что».

Но Зарипов пришёл – молодой, задорный, уверенный, уже тогда понявший своё предназначение! «Несмотря на то что мир сложен, полон противоречий, горя, страданий, трудностей, проблем – я своим искусством хочу согреть людей, чтобы они поверили, что в жизни есть и свет, и добро, и надежды, и любовь. Поэтому я пишу Радость и уверен, что вера в неё людям необходима». Это одна из фраз (мыслей), которую художник произнёс в часы наших бесед, продолжавшихся с перерывами многие годы...

А критикам творчества Зарипова,

очевидно, оказались чужды, особенно вначале, свобода, раскованность его полотен, их золотисто-красное сияние. Ведь тогда, в начале 1970-х годов и ещё раньше, привычны и принимаемы были только те сюжеты, что повествовали о стройках, рабочих людях на заводах-гигантах, о комбайнах и тракторах на колхозных полях, о девушках в строгих комбинезонах. И почему-то считалось почти нормой изображать всё это часто в тяжёлых, серо-буро-коричневых тонах, не позволяя иной вольности. Но великие живописцы были и тогда: А. Дейнека, А. Пластов, С. Герасимов, Т. Яблонская, в татарском искусстве – Б. Урманче и ряд других мастеров – они оставались верны своим творческим исканиям и принципам и писали так, как подсказывала им душа. У них было собственное понимание реализма и его воплощения.

Таким же свободным художником заявил себя и Ильдар Зарипов.

Он начинал с простых, трогательных композиций о деревенском быте, о теплоте человеческих отношений, о счастье материнства, о ласке больших отцовских рук («Дома», 1970; «Мирный хлеб», 1974). Прелесть уже его первых работ заключалась в неожиданной свежести, непосредственности, искренности. При абсолютной простоте и узнаваемости сюжетов картины заиграли новыми красками благодаря тому, что они были написаны широким, свободным движением кисти, звонкими, яркими оттенками, присущими национальному декоративному искусству, его колориту.

Что мы ищем в искусстве? Своё лицо, себя, свои мысли, чувства, наши представления о мире. Мир ведь несовершенен и часто ранит нас болью, несправедливостью, страданиями. А картины Зарипова не просто проникнуты совершенной красотой, глубиной, но и, в то же время, простотой и ясностью переживаний; в них столько солнца, света и доброты, что, пристально вглядываясь в них, ты находишь свой идеал, тебе начинает казаться, что и

ты так же прекрасен, добр, совершенен душою, как и мир, лежащий на холстах художника.

В его творчество входишь как в неведомое таинственное пространство, которое постепенно открывает тебе свои красоты и богатства.

Он всегда своеобразен, интересен, будь то первоначальный период с картинами «Папа» (1973), «Радость» (1974), «Зульфия – казанская красавица» (1972), с красочными деревенскими интерьерами, с необычно прекрасными молодыми женщинами, зелёными травами лугов, или в более поздние годы – с тематическими многофигурными композициями, то монохромными, то яркими. А ещё пейзажами с тихо дремлющими деревьями, могучими соснами, или летящими по ветру снежинками; незабываемые образы, фантазии, навеянные крупными творческими личностями: Дейнекой, Пластовым, Шукшиным, Пушкиным.

«В каждом художнике должно быть что-то таинственное, что-то от Бога». В этих словах Зарипова – ключ к пониманию и его собственного творчества. Это истинный и большой мастер, поэт от живописи. Его полотна так же легки и светлы, как стихи Пушкина.

Пушкин вообще близок Зарипову. «В Болдино» (начало 1980-х гг.), в небольшом по размерам, но глубоком и ёмком произведении, мы видим только силуэт поэта, растворённый в сумерках среди осенних деревьев. Но весь образный строй картины, её ассоциативность рождает в душе звуки некогда прочитанных дивных стихов, услышанных когда-то старинных мелодий. Здесь живопись начинает взаимодействовать с поэзией и музыкой, сливаясь с ними. И мысли Пушкина словно тянутся к более близкому прошлому, его радостям и утратам, а от них вдруг – к будущему. В этом, наверное, и заключается своеобразие ассоциативной картины, которая предполагает масштабность, философичность творческого мышления, художественное мастерство, позволяющее выразить все оттенки дви-

жения души художника, независимо от величины и размеров произведения.

Особое и значительное место в его творчестве принадлежит мотивам Туккая. В таких картинах, как «Рождение поэта», «Мелодия Кырлая», «Осень. Воспоминания о юности» (все – 1980-е гг.), создаётся величественный и символический образ души татарского народа. Своеобразие творчества художника – в огромной любви к истокам национальной истории, в смелости и неподражаемости его композиций, в богатстве и торжестве колорита, в тонком сочетании субъективного взгляда автора на жизнь, философии бытия с объективным отражением действительности.

Одной из главных, важных черт его творчества является воплощение в нём образа женщины. Как они у него необычны и прекрасны! Будь то крестьянская девушка в лёгком платке среди зреющих хлебов с серпом в руке, или любящая мать, прижимающая ребёнка к груди, или таинственная Муза в старинном дворянском наряде, сидящая в полумраке среди картин в мастерской художника. К изображению женщины художник подходил с необычайным волнением, считая её высшим творением Природы.

Зарипов глубоко чувствовал свой народ, истоки его духовности.

«Что я понимаю под национальным? – говорил он. – Я чувствую национальное изнутри, как песню, когда поёшь искренне, забыв обо всём. Здесь самое важное – богатство колорита, которые выражают особое состояние души, а не только внешние сюжеты и изображение».

Все его картины истинно национальны, хотя художник не стремился специально это подчеркнуть. Но какие бы это ни были композиции – «Зульфия» (1972), «Разговор» (1971), «Райская птица» (1993) и другие – в них отражалось тонкое понимание живописцем какого-то духовно-глубинного состояния души, что чувствуется ясно, но трудно выразить словами. И даже деревни, укрытые снегом, дома, стоя-

щие вдоль дороги, – тоже почему-то именно татарские... Вот такая душа у художника!

И всегда картины Ильдара Зарипова просто, чисто, возвышенно повествуют о национальном, не оскорбляя чувств других народов, а, напротив, заставляя их восхититься и проникнуться истинно народным духом. Они дают возможность увидеть открытость и сдержанность души татарского народа, его светлое мироощущение.

Интересно наблюдать, как меняется мышление художника от ранних картин, где много конкретики, разных предметов, вещей, изображённых им, – к мышлению более обобщённому, символическому, стремлению совместить разные временные категории.

Одна из таких картин – «Женщины 30-х годов» (конец 1980-х – начало 1990-х гг.). Лица крестьянок вроде бы татарские, а, может быть, и нет. Они, возможно, действительно, из 30-х годов конкретно, а, может быть, несут в себе черты и каких-то иных эпох. В выражении их лиц есть нечто вечное, запредельное. Границы временного, где живут эти женщины, художником расширены. Он как бы вырывает их из сферы только своего времени, раздвигает их существование. Эти женщины вроде бы живут и в 30-х годах, но может быть, живут и сейчас, были всегда и будут впредь... Такой подход художника, думается, больше отвечает тенденциям развития искусства, ибо живопись всегда стремилась привести в себя категорию времени, преодолеть время. Не случайно, подобное желание художников рождало триптихи, росписи...

И. Зарипов в «Женщинах 30-х годов» также пытается преодолеть время – композицией, совмещая пространство поля и сферической поверхности земли, уходящей в бесконечность. «Хочу совместить вечность и современность, но как этого достичь?» – говорил художник.

Много глубоких и богатых мыслью, философией, содержанием картин

создано художником в конце XX – начале XXI века. Всегда его многогранные творческие искания были связаны с реалистическим осмыслением действительности. «В своё время, – говорил Зарипов, – я перепробовал всё, до Пикассо дошёл. Зато теперь меня не сбить с пути, к реализму я пришёл сознательно».

И, действительно, взгляды мастера на искусство практически не менялись с тех пор, как он избрал для себя стилистику реализма. Между тем, в последние годы в изобразительном искусстве открыто провозглашается «время авангарда», который всё более отвоёвывает себе пространства выставочных залов, музеев и галерей. Зарипов же дальнейший путь искусства видел в возврате к традициям реализма мирового, русского, советского искусства и разумном взаимодействии с другими художественными течениями и направлениями, ибо реализм может быть очень разным, и творчество живописца – тому пример.

Зариповский реализм заключается не в буквальном отражении действительности, а в символическом... Например, обнажённая красавица среди зимнего снежного леса – это символ белизны и чистоты, символ нарождающейся сказки («Белоснежная», 1997). А как удивительны линии плывущих в небе облаков, глубоких снегов, лежащих пластами на деревенской улице и вытянутые кверху шеи гусей, семьящихся по этой же улице. Эти повторяющиеся, параллельные линии пролагают бесконечные пути жизни, пути судеб людей, всего живого... («Зима пришла», 1999–2000). Какая гармония, какая философия в этой, казалось бы, самой обыкновенной композиции!..

Живопись Зарипова всегда фигуративна, узнаваема во всём. Но изображения людей, животных, деревьев, предметов причудливо переплетены и чаще всего так, как в жизни не бывает. Жизнь на его холстах всегда подвижна, напряжена, заполнена до краёв, насыщена множеством деталей. Кони,

птицы и прочая живность плотно окружают людей, взаимодействуя с ними, придавая их образам особую поэтичность и законченность. Изображённые же – яблоки, яйца, гроздь рябины – складываются в яркую мозаику, напоминающую национальное узорочье. Непредсказуемость, «пестрота» жизни как раз придаёт картинам художника неповторимое очарование. Они необычайно притягивают, заставляют подолгу всматриваться, «соприкасаться» с ними памятью и душой.

Одна из черт творчества мастера: в его картинах рисунок не всегда точен. Но он делал это сознательно. Он говорил, что если «не сломать» что-то, не получится тот образ, который ему нужен. «Правильный неправильный художник», – смеясь, говорил он о себе. Эта «неправильность» рисунка составляет непохожую на других стилистику и является сутью его живописи.

А каким он был в общении, в быту? Большое значение в жизни и творчестве художника имели взаимоотношения его с другими творческими личностями.

Мне думается, что одной из светлых страниц творческой биографии Ильдара Зарипова является его дружба с Диасом Валеевым.

Благословенные 70-е годы! Мы все молоды, полны энергии, сил, желания творчества! Эти годы общения великих художников. Мы часто встречаемся. То у Зариповых, то у нас. У Зариповых вся квартира в дивных картинах Ильдара, здесь всегда праздник, всегда улыбки –

И. Зарипов на персональной выставке с женой Светланой и внучкой Айгуль. 1999

Ильдара и его жены Светланы. Ильдар и Диас много и увлечённо говорят обо всём, что их волнует; прежде всего об искусстве, о политике, о творчестве друг друга, о философии. Валеев высоко ценит творчество Зарипова. Картины мастера привлекают его переливом красок, прекрасными женскими ликами, силуэтами белых лошадей, гроздьями красных рябин, просвечивающих сквозь

морозные стёкла деревенских домов. В этих композициях он видит символическое воплощение красоты мира в целом. Ильдар рассуждает о рассказах и пьесах Валеева, он отмечает их необычность, непохожесть на привычные произведения.

Мы со Светланой тоже принимаем участие в разговорах. Но больше, конечно, слушаем, вникая в суть их взглядов, суждений. Мы обе понимаем, какие удивительные, необыкновенные люди наши любимые и втайне гордимся ими. Здесь же наши с Диасом дочка и сын Ильдара и Светланы – Ирек. Они подростки, у них свои разговоры, свои секреты. Ирек показывает девочкам талантливые рисунки, а потом ведёт их на балкон к своему маленькому телескопу, и они вместе смотрят на далёкие звёзды. Мальчик в эти годы, кроме рисования, увлечён астрономией, звёздами, и это вносит некую тайну и гармонию в его ещё полудетский образ. Кажется, что у него, как и у отца, будет большое, необычное будущее...

Но не всегда всё гладко было в жизни двух художников. И когда она возводила перед ними большие, трудно преодолимые препятствия, и Зарипов, и Валеев, держались мужественно и стойко и, как настоящие друзья, поддерживали друг друга, помогая справиться с очередным неприятием и непониманием их творчества. Сколько пришлось им пережить в разные годы! Но как личности, они всегда были свободны и независимы, несмотря ни на что.

В это время мы очень тесно общались. Два замечательных талантливых человека благотворно влияли на творчество друг друга. Темы искусства, творчества, личности Творца и Художника всегда были близки Валееву (его рассказы «Стук резца по камню», «Портрет Дон-Жуана» и другие), и общение с Зариповым ещё более обогатило и углубило его взгляды на место искусства в человеческом бытии.

Позднее, к сожалению, мы виделись реже: переезды, наступающая старость, болезни... Но и тогда они ча-

сто беседовали по телефону; дружба Зарипова и Валеева по-прежнему продолжалась. И не только. Незадолго до кончины писателя Ильдар начал писать его большой портрет, на фоне жёлтой осенней листвы и холодного хмурого дня (остался незавершённым). Словно предчувствовал Ильдар, что Диас уйдёт навсегда в такой вот нерадостный день поздней осени...

Так происходили наши общие встречи с художником. Но вот несколько строк только из моих впечатлений и воспоминаний о нём.

Ильдар Зарипов – всегда порыв, всегда вдохновение. Его мастерская как храм. Приходишь туда, и всегда открывается неожиданный, непредсказуемый мир его души. Множество картин на стенах, на стеллажах, на мольберте, прислонённые к стенам, уже законченные и едва начатые, незавершённые, пахнущие краской. Палитра, кисти, растворители, альбомы на столах и полках, репродукции с его и классических произведений, народные игрушки. Всегда тихо звучит музыка из магнитофона – татарская, русская, современная, старинная. А ещё он сам любит напевать: «Сандугач керде кунелгэ, жырламый тузим мени!..» («Соловей проник мне в сердце, разве я смогу не петь?..»). Эти слова песни так созвучны состоянию его певучего таланта, души, готовности всегда творить!

И где-то посреди этого мира картин, звуков и вещей какой-то неземной является сам художник, в клетчатой рубашке, цветастых шароварах, лёгких шлёпанцах, с кистью в руке. Он прост и лёгок в общении, улыбчив, щедр, открыт и как-то беззащитен, как настоящая творческая личность. Он любит природу, деревню. Говорит, что особенно сейчас, когда становится старше, его больше тянет на родину родителей, в деревню, где в детстве он жил и отдыхал.

– Ну, деревня – это красота, – говорит он радостно. – Это поля, леса, небо, воздух, родники с чистой водой и добрые близкие люди. Я как будто жи-

вого духа там набираюсь. Ты говоришь, что от моих картин исходит добрая сила? Наверное, это и есть та самая, которую вобрала моя душа на родине родителей.

– А в чём счастье? – спрашиваю я художника.

– Счастье – вот в этой жизни, которая вокруг, с её звуками красками. И я могу её писать с любовью, свободно, как чувствую, вижу. А ещё счастье – в семье, в близких людях, которым я нужен больше всего на свете, а они так же нужны мне!.. Спрашиваешь, как рождаются образы и сюжеты? А бог их знает. Просто подхожу к чистому холсту, иногда ещё даже не знаю, что там будет, и вдруг рука медленно начинает писать. Иногда мне кажется, что рука работает сама по себе, а мысли, ощущения бегут за ней.

Когда к нему приходят друзья или художники, писатели или музыканты, он всегда в работе, всегда перед картиной, словно ворожит, священнодействует. Каждый раз на мольберте – новая работа. И в каждой – дивное свечение, сияние, мерцание многоцветия; особая, лишь ему присущая техника; а называть красками то, что трепещет в его кисти, на его палитре, невозможно. Это живые сполохи и радуги, это северное сияние и зарницы. Каждый мазок на глазах дышит, меняет цвет, переливается, незаметно переходит в другой – колдовство какое-то, а не живопись!..

Только творчество таких истинных и великих художников, мастеров могут рождать в сердцах зрителей особый строй мыслей, чувств, удивления, вдохновения, вопросов. Только произведения великих мастеров делают человека возвышеннее, лучше, чище, богаче душой и приносят ему красоту как дар, приняв который, человек становится неспособен совершить дурной поступок, причинить кому-то боль.

Таким остался в памяти сердца неповторимый, удивительный Ильдар Зарипов.

Главное для художника, для творческой личности вообще – проблема

реализации своего потенциала, того, что ему предназначено судьбой, ибо жизнь художника – это постоянная борьба. Трудная борьба с самим собой, с прошлым, настоящим ради будущего, борьба со средой, с окружающим миром – ведь этот мир не по голове человека гладит, а воздвигает перед ним множество преград и препятствий. И многие творцы в силу разных причин в этой борьбе терпят поражение, не успевают осуществить свои замыслы.

Мне кажется, что Ильдар Зарипов в этом поединке с судьбой одержал победу.

Также важно подчеркнуть, что его творчество по своему масштабу, совершенству, богатству образов, идей и глубине принадлежит всей нашей стране. Поэтому, несомненно, можно говорить о том, что он является национальным достоянием Татарстана и России.

*Дина Валеева,
кандидат искусствоведения,
заслуженный деятель искусств РТ*

P. S.

И в конце вот о чём считаю необходимым сказать.

Ильдар нежно любил наш город. Недаром образ Казани нашёл отражение во многих монументальных полотнах мастера. Он с благодарностью говорил о том, что при содействии М. Ш. Шаймиева в Казани в 2004 году была открыта галерея-студия Ильдара Зарипова. Это, конечно, было большим даром правительства великому художнику так же, как значительно ранее открытые музеи Баки Урманче и Константина Васильева. Но, не делаются ли такие дары городу несколько формально, чтобы просто отметить, что сделано, без души, без перспектив на будущее?

И музей Урманче, и галерея Зарипова находятся в стороне от маршрутов туристов и даже не всем казанцам они известны. И мечты Зари-

пова о том, что в его галерее будет работать студия, где будут проводиться мастер-классы и различные встречи, не сбылись. Галерея практически не имела посетителей.

Думается, что главная причина этого – затерянность музея Зарипова среди городских строений, далёких от точек культуры. Вот перевели из городской периферии в центр города, на улицу Баумана музей К. Васильева – и сразу увеличилась посещаемость, многие узнали художника и его творчество. На недавно

прошедшей презентации очередного номера «Казанского альманаха» выступал директор Васильевского музея Г. Пронин, и он высказал прекрасную мысль о том, что как было бы правильно так же перевести музеи Урманче и Зарипова на улицу Баумана, где, несомненно, имеются помещения, которые можно было бы превратить в музейные. Как украсился бы наш город, представив на обозрение народа такие наши национальные достояния как творчество Урманче и Зарипова!..

Ахат Мушинский

Извлечь из пыли и забвения

Многие художники любят работать под музыку. Ильдар Зарипов не был исключением. В годы, когда мы у него в мастерской бывали довольно часто, он, помнится, любил включать песни в исполнении Альфии Авзаловой. Он говорил, что пение её придаёт ему вдохновения и энергии. А захаживали мы к нему с Разилем Валеевым, тогда директором Национальной библиотеки республики. О многом говорили, при этом рождались какие-то интересные идеи и проекты. Например, задумали открыть в стенах Национальной библиотеки выставку одной картины, которая периодически обновлялась бы...

Задумано – сделано.

Естественно, начали с одного из полотен Ильдара Зарипова. Оно было крупным, в тяжёлой красивой раме. На нём был изображён юноша, играющий

на курае, рядом со своим красавцем белым конём с изогнутой шеей и чело-вечьими глазами. Открытие выставки стало заметным культурным явлением в городе.

Потом Национальная библиотека закупила немало картин мастера для своих интерьеров. Я в свою очередь пригласил Ильдара Зарипова принять участие в телевизионной программе «У зелёного камина», которую вёл на республиканском ТВ. Съёмки организовали прямо у него в мастерской. Он написал маслом камелёк с весёлым таким огоньком, и беседа около живописного огня потекла безбрежная – об изобразительном искусстве, о музыке, литературе, вообще – о смысле художественного творчества.

В общении он был лёгок, весел, смешлив. Ильдар-абый умел убеж-